

С 80

30736

Век
Р. Стийенский

БЕЛЫЙ КАМЕНЬ

ДЕТГИЗ

Радуле
Стішенский

БЕЛЫЙ КАМЕНЬ

ДЕТЯМ

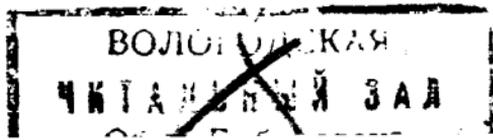

Перевод с сербского

Рисунки

Е. БУРГУНКЕРА

Государственное Издательство Детской Литературы
НКЦ РСФСР
Москва 1948 Ленинград

C 80 + *сербас*

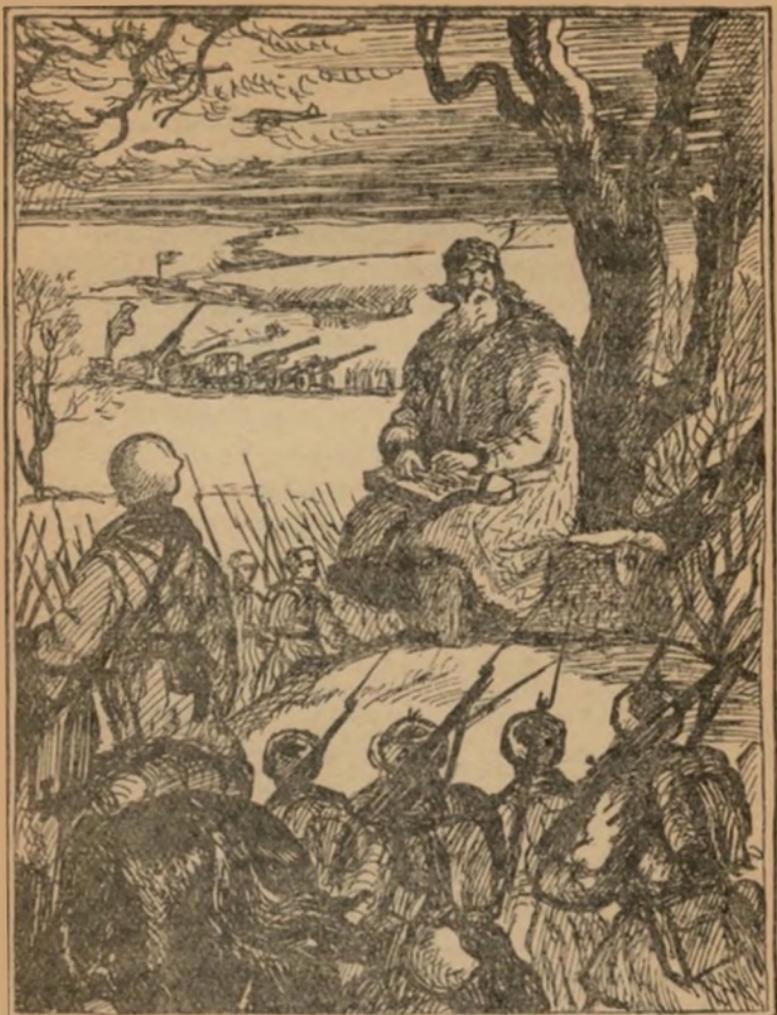
БЕЛЫЙ КАМЕНЬ

В поле меж Смоленском и Медынью
После битвы лютой и жестокой,
Где фашистов сильно мы побили,
Повстречал я старого гусяра.
Он сидел на древнем бедом камне,
Зябко старец кутался в овчину —
Но по струнам пальцы побежали,
Людам стал он сказывать былинку.

— «Белый камень» — камень подмосковный.
Так село сгоревшее зовется...
И когда древляне да поляне
На просторах русских поселились,
Распахали на равнинах пашни,
То сюда пришел Каренин Игорь.

И за тою вон горой высокой,
Что стоит под знаменем гвардейским,
Словно белокаменная башня,
Поселился Игорь хитроумный...
На горе Высокой дом построил
Из дубовых, нерушимых бревен.
И воздвиг он каменную башню,
Чтоб дома и пашни охраняла
Башня от неожиданного набега
Косоглазого степного печенег.
Окружил дубовый дом с овином
Рвом глубоким и высоким тыном.
Сын седьмой ему помог в работе,
Мастер Петр, и каменщик и плотник.
...Так и жил, рубился и трудился
Мастер Игорь на горе Высокой
Под раздольным небом синеоким.
А кругом луга цвели обильно,
И стада гуляли на приволье,
И леса дремучие шумели,
Заводили с ветром разговоры.
А весной кругом ручьи звенели
И пчела впивалась в медуницу.
Летом здесь пшеница поднималась
По пояс Каренину-юнаку.
А когда зимою выюга в трубах
Выла бесприютною собакой
И метель овчинной белой шубой
Все кругом просторы закрывала,
В доме было и тепло и тесно, —

Здесь сказанья расправляли плечи,
Как пчела вилась над прялкой песня
И дрова трещали в русской печи...
Семь сынов родил Каренин Игорь,
Непокорных, русых, коренастых,
С крепкими, могучими руками,
Ясными, упрямыми глазами.
И когда, поднявшись на рассвете,
Витязи по травам по высоким
Дружно шли на дальнюю прогулку,
Каждый мог бы издали подумать:
То шагают журавли степные.
А когда водили хороводы,
Были братья лебедям подобны.
А когда рубили супостатов,
Мощным львам они подобны были.
Семь невесток взял в избу Каренин,
Черноглазых, белых да румяных,
И когда мужей своих встречали
Семь невесток в фартуках холстинных,
Ты сказал бы: семь куниц пригожих.
А когда на речку выходили
И несли на коромыслах ведра,
Ты сказал бы: ласточки-касатки.
А когда водили хороводы,
Ты сказал бы: сизые голубки.
А когда плясали в светлый праздник,
Каждая на Вилу походила,
Вилу-Ладу, молодую Ладу.

От Смоленска, от Медыни-града
До Москвы дорога извивалась.
И Медынской зимнею дорогой
Проползали длинные обозы,
Мужики везли в Москву-столицу
Кожу, воск да спелую пшеницу
И везли обратно ко Смоленску
Зеленее луга шелк турецкий
Да китайские рисованные чашки...
И прошел вот эту дорогую
Мимо вешних освеженных пашен
Сын седьмой Каренина-юнака,
Мастер Петр, и каменщик и плотник.
Шел он строить белый Кремль кремневым,
Возводить зубцы узорных башен,
Оградить Москву от супостата
Крепкой белокаменной оградой.
Мастер Петр, и каменщик и плотник,
Девять лет работал на постройке,
Из кремня воздвиг он Кремль просторный,
Башен в мире не было красивей —
Петр облицевал с дружиной стены
Камнем белым, как снега России.
Но один остался камень лишний.
Мастер Петр, и каменщик и плотник,
Не хотел расстаться с камнем плотным,
Белым камнем матери-столицы.
Мастер был что твердый камень нравом,
Белый камень он взвалил на сани,
Бережно укрыл душистым сеном

И повез на запад белый камень
Через чашу, ко Медыни-граду.
А весна дышала над полями
И над бором буйным и широким,
Работнула белые сугробы,
Свежим соком почки напоила.
Девять дней с трудом тащили кони
Розвальни с тяжелою поклажей
По размытой путь-дороге вешней,
И дорогой сани износились,
Износились сани, изломались.
С той поры урочище прозвали
В честь саней изношенных — Износки.
Мастер Петр, и каменщик и плотник,
Вырвал ель с когтистыми ветвями,
И на хвойных на зеленых лапах
Поволок он к дому белый камень.
Под Медынью на горе Высокой,
Где сейчас грохочут батареи,
Мастер Петр, и каменщик и плотник,
Новую избу себе поставил.
Перед домом Петр на пень дубовый
Положил московский белый камень, —
Он грибом казался исполинским.
Мастер Петр, и каменщик и плотник.
Дал великую на камне клятву:
«То не камень, а порог столицы,
Недруг чрез него не переступит.
Правнуки и дальние потомки
Пусть мой не забывают клятвы

И порог Москвы — московский камень —
Защищают доблестно и свято».
И дружина камнетесов дружных
Поклялась с Петром на белом камне.
Поклялась вином, зерном и кровью
Не пускать в столицу басурмана
И беречь кремлевских башен кровли.
С той поры, как мастер жил на свете,
Пролетели вихрями столетья,
Но потомки помнили о клятве,
Разбивали злого супостата.
Каждый враг, свой булат поднявший,
Погибал от русского булата.
Мчались годы, месяцы, недели,
Но порог Москвы — родной столицы —
Белый камень, камень подмосковный,
И доньяне, братья, сохранился.
Тайно вышли из страны заката
Варвары — фашистские солдаты,
Словно воры ночью налетели.
Мы их били грозно и жестоко,
Но они прорвались до порога,
До старинного московского порога —
Камня белого — на запад от столицы.

Расскажу вам, что увидел ныне,
Мне судьба дыханье сохранила,
Чтобы прежде, чем сойду в могилу,
Мог поведать новое преданье
О старинном подмосковном камне..

Полз в огне проклятый змей трехглавый
В наши оснеженные дубравы —
Опаляло землю злос тело,
Чешуя змеиная гремела,
Открывалась пасть его, как пропасть,
Змей хотел терзать столицу нашу
Дьявольскими острыми зубами.
И дополз смердящий змей трехглавый,
Извергая желчь, и дым, и пламя,
До московского порога-камня;
И разбил свой лоб о камень белый,
Неприступный камень Подмосковья;
Яд и желчь обрызгали сугробы,
Пушки громыханием могучим
В зимнем небе вспугивали тучи,
Бомбы к солнцу взбрасывали землю
И хлестал свинцовый ливень поле.
Даже воздух убежал отсюда,
Испугался, сжался, притаился
За какой-то снеговой глыбой.
И дышали люди редко, трудно,
Как на берег брошенные рыбы.
Тяжело ступая, здесь промчались
Наши танки длинной вереницей
По снегам сверкающим, морозным,
След за танком темный волочился,
Так по морю пена волочится
Вслед за шхуной рыбака смоленой.
Здесь скрипели кости супостата,
Смятые ступней стального танка,

И сугробы почернели сразу
От огня, и пороха, и дыма.
Шли юнаки красные в атаку,
Забывая про мороз суровый,
И, казалось мне, летит с полками
Богатырь наш, Александр Суворов
И Чапай под буркою косматой
Колет, рубит немца-супостата,
А за ними Дундич мчится в битву
На коне на борзom Бедевии,
И поет нам Дундич, красный Дундич:
«Сердце на мушку,
Маузер в руку,
Саблю в другую,
Бей супостата,
Трехглавого змея!»
А когда подул холодный ветер,
Снова свежий воздух возвратился,
Я открыл морщинистые веки,
Поглядел на поле — поле битвы:
Вижу, танки брошены и пушки,
Враг бежит, как битый волк с ловитвы,
Дым за ним свивается, как стружки, —
Без оглядки враг бежит на запад,
И отрубленные лапы змея
На снегу валяются студеном.
Средь кривых обугленных деревьев
Лишь остался белый камень белым.
У сожженной немцами деревни
Камень наш сияет будто льдина,

Крепкая, нетронутая льдина.
Здесь теперь грохочут батареи,
В воздухе, войною раскаленном,
Вольно ялещут красные знамена,
Гордые гвардейские знамена.
Сам отважный командир Каренин,
Сам полковник, сам Игнат Петрович,
Игоря Каренина потомок,
Над рекою с берега крутого
Метко бьет по ворогам-фашистам.
Истинно все так случилось, братья,
В зиму лютую большого года,
Тыща девятьсот сорок второго.

Замолчал и гусли бросил старый.
Догорали за рекой пожары,
Кровь войны засыпал ветер снегом,
Ветер подметал поля и рощи...
И сверкал под зимним красным солнцем
Белый камень, камень нашей мощи.

РУССКИЙ

Второе лето в зареве встает,
Я не кошу ни трав, ни сена,
И день и ночь пылает небосвод,
И в дымном ветре запах тлена.
Как дьяволы, германцы ворвались
На наши мирные равнины.
Мой русский меч, отчизне поклянись,
Что здесь найдут погибель джины.
Тебе в веках высокий жребий дан —
Расправиться с ордой кровавой,
От рабства ты освободишь славян,
Себя оденешь вечной славой.

Нет числа дружинам русским,
Словно тучам в небе мгlistом,
Плещут крылья молний в небе,
Возвещая смерть фашистам.
Есть земля для вас, проклятых,
Ждут могилы вас, фашисты!
Не дадим вам жечь и грабить
И топтать посевы наши.
Саранчой вы налетели
На Карпаты, Буковину,
Польшу скорбную пытали,
Белоруссию топтали,
Разоряли Украину.
Нет, не фрицам окаянным,
Не германским подлым джинам

Биться лютым смертным боем
С храбрым русским исполином.
Он нагрянет, он ударит
Кулаком, что крепче стали,
И костями ляжет немец,
Поминай его как звали.
В смертной битве дух мужает
Исполина-славянина.
О земле мечтаешь, немец, —
Так получишь два аршина!

Как Антей, земли касаясь,
Крепнул силой в дни былые,
Так, припав к земле родимой,
Крепнем мы, сыны России.
Кровопийца, вор, насильник,
Обманулся ты жестоко!
Кровь за кровь ты нам заплатишь,
Зуб за зуб, за око — око.
Шаришь ты рукою жадной,
Ищешь прибыли, бродяга.
Хочешь ты себе присвоить
Хлеб чужой, чужие блага.
Ты не хлеб найдешь, не мясо —
Кирпичи да пепел серый.
Но за наши кровь и муку
Ты получишь полной мерой.
Славянин рабом не станет,
Мсть проклятому злодею!
Размахнется русский витязь
И свернет германцу шею.
Геббельс лаял над тобою,
Обучал тебя разбою,
Начинил твою душонку
Сверхарийской похвальбою.
Но железной хваткой скоро
Мы возьмем тебя за горло.
Над тобою мщенье наше
Руку грозную простерло.

УКРАИНЕЦ

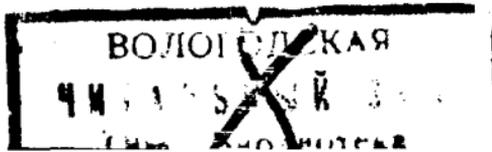
Украина, родная, степная,
Нет страны прекрасней на свете!
Мы на землях прадедов жили
Как достойные матери дети.

Ты цвела под Сталинским солнцем,
На раздольном, на вольном просторе.
Буйный ветер шумел по равнинам,
Колыхалась пшеница, как море.

Но взвилась над мирной страной
Бронированных дьяволов стая.
Там, где жили, где строили, пели,
Встало пламя от края до края.
Украина, мать Украина!

Кровь святую твою, Украина,
Жадно пьют упыри-кровососы,
Топчут нивы, луга заливные,
Где веселые смолкли покосы.
Украина, мать Украина!

Жгут и грабят белые хаты.
Черный дым навис над Полтавой,
Стонет Харьков, томится Киев,
Знаменитый древнею славой.
Украина, мать Украина!

То не гром, не дьяволы в небе,
То слетелись немецкие воры.
Оседдал захребетник проклятый
Золотые твои просторы.
Украина, мать Украина!

Разорил, растоптал, разграбил,
Залил землю народною кровью,
Черной смертью прошел по Дону,
По широкому Приднепровью.
Украина, мать Украина!

Сеял ветер, пожнет он бурю,
Всей землей поднялись партизаны.
Сгинь! — кричат поля и дубравы.
Сгинь! — кричат луговые туманы.
Украина, мать Украина!

В море крови фашистов утопим,
С корнем племя врага уничтожим,
На святую могилу Шевченко
Вновь цветы, торжествуя, возложим.
Украина, мать Украина!

Украина, ты нас породила,
Нас кормила, растила, поила,
Соколиные крылья свободы
Нам, питомцам своим, подарила.
Украина, мать Украина!

Только смелых венчает свобода,
Не бывать рабом славянину!
Украинцы, вперед за свободу,
За любимую мать Украину!

БЕЛОРУСС

Дым над чащами Полесья,
Побурели травы,
Вянут листья от дыханья
Вражеской оравы.

Там, где прежде возле хаты
Цвел пион спесиво,
Ныне пепел, ныне угли,
Дикая крапива...
Над лесистой Беларусью
Маревом туманы,
Под березой притаились
Братья партизаны.
Подле рощи иль в овраге,
У лесной поляны

Ждут, фашиста карауля,
Братья партизаны.
Ой, ты чинишь мост напрасно,
Супостат проклятый, —
Разорвем настил железный
Меткою гранатой.
Мертвой ящерицей поезд
Ляжет под откосом.
Будет праздник острым вилам
И проворным косам.
Мы от падали очистим
Все леса и рощи.
Пусть боится лютый враг
Партизанской мощи.
Встанет гнев над сизым бором,
Побежит по хатам,
Отомстим мы, белоруссы,
Подлым супостатам.

Снова пахарь выйдет в поле
Утром спозаранку,
Белорусские девчата
Запоют веснянку.

ПОЛЯКАМ

О славянское храброе племя,
Чьи гнездовья над Вислой широкой,
Чьи наследственные владенья

От Саяна, от старого Буга
Вплоть до Варты распространились,
До Балтийского грозного моря!

О юнацкое польское племя,
Слушай младшего брата с Ядрана!
Я сыграю тебе на гусях,
Струны я задену перстами,
Золотые струны задену.
Да прольется песня на сердце,
Да послужит песня юнаку,
Брату — польскому партизану
В этой темнозеленой дубраве,
В этой польской осенней дубраве!

Партизаны, гуслиар черногорский,
Пастух пиперских смуглых утесов,
Вижу я кровавую Вислу,
Вижу полымя над Варшавой.
Гарью тянет — и сердце тоскует...
Или это злобная буря
Через облако черное гонит
Лютых шершней и гадов крылатых?
Нет, не буря вихрь завивает,
А шагает война по дорогам,
И свистит свинец смертоносный,
Порох брызжет, ломаются кости,
Щет земля кровавую брагу.
Слышишь брата, поляк?
Не медли!

К мести брат призывает брата,
В бой за прадедовскую землю,
За достоинство наше кличет.

Рой могилу фашистскому зверю,
Пусть горят города и селенья,
Убивай в яругах фашистов,
Собирай боевые дружины,
В бой иди, славянин, за свободу,
Защищай бессмертные могилы,
Попранные сапогом германским.

Если б мог я, гуслиар черногорский,
В прах Мицкевича обратиться,
Я оброс бы горячей плотью,
Голос я обрел бы могучий,
Протянул бы зрячие руки
Из могилы к польскому юнаку.
Я тебя заклинал бы и плакал
Жгучими жемчужными слезами,
Неотступной песенной силой
Окружил бы, взывая из гроба.
Встань, поляк! — я воззвал бы. —
Да будет
Отчий край навеки свободен!
Да уйдет смертоносная туча,
Да заблещут ясные звезды, —
После бури небо светлее,
Жизнь прекрасней после мученья.
С Красной армией вместе, со всеми,
Кто свободу обороняет,
Встань, поляк! Да сойдутся славяне
На широких содружных равнинах,
Да подымут юнацкие руки
Кубок, полный победы и славы!

БАЛКАНСКОЙ МОЛОДЕЖИ

За широкой гладью морскою,
За горами, за синими лесами
Загораются частые звезды,

Запевают военные трубы,
Сталь о сталь ударяет со звоном,
Не стихают крылатые песни.

Чи гордые очи сияют,
Словно звезды пред рассветом?
Чье могучее сердце бьется,
Разгораясь все жарче и жарче?
Чи могучие мышцы играют,
Поступь чья, словно буря, крылата?

Молодежь балканская, здравствуй!
Здравствуй, здравствуй, юнацкое
племя!

Я по обе стороны Дуная
Вижу силы и славы гнездовья.
Гей вы, сербы, братья черногорцы,
Вы, болгары, словенцы, боснийцы,
Молодежь Крбавы и Лики,
Сыновья Хорватии плечистой
И вольнолюбивые далматы
От скалистых вершин Триглава
До высокого города Скадра,
От кудрявых лесов Буковины
До широкошумного Ядрана —
Молодежь балканская, к оружию!

Не тебе ли доблестные предки
Истинную храбрость завещали,
Не тебя ли отцы седые
Смелости и ловкости учили?
Соберись в боевые дружины,
Взвейся, точно ветер над горами,
Смертоносной молнией низринься
На захватчиков иноплеменных.
Бей без промаха в черное сердце,
В сердцевину свастики проклятой.

Юность! В бой тебя зовет отчизна!
Защищай юнацкую свободу,
Всюду бей врага, не зная страха,

Чтобы очи твои не горели
От стыда, если твой потомок
В них заглянет, тебя испытует,
Чтобы дети от тебя в наследство
В эти годы не приняли рабства,
Чтобы воля взошла над Европой.
В битве ты не будешь одинока,
Все славянство поднялось с оружием —
Воет пламя на крутых утесах,
Черный дым застилает небо,
И гремят колокола восстанья,
И грохочут гневные пушки.
Брось в огонь все то, чем ты владеешь,
Ничего не жалея для победы —
Ни своей рубиновой крови,
Ни своей драгоценной жизни.
Пусть огонь смешается с кровью,
Пусть горит, и кипит, и клокочет,
Ничего не отдавай фашисту,
Пусть ему достанется черный
Дымом битвы подернутый камень.
Гитлер жаждет крови славянской —
Напой его желчью горючей,
Плюнь свинцом в змеинные очи.

Брат, не бойся гадины фашистской,
Не уйди ей из этих пожаров.
Бей врага, не зная пощады,
Трупам фашистов украшая
Каждый бук и каждую чинару,

Каждый столб и придорожный камень.
Пусть меж этих могил позорных
Бродят псы со взъерошенной шерстью,
Пусть над ними вороны вьются,
Ядовитым брезгуя мясом.

Собирайтесь в дружины, славяне,
Выносите ружья из подполья,
На точилах ярости великой
Славные острите ятаганы.
Братья, следуйте примеру русских,
Бьющих богатырским буздованом
Зверя панцырного наотмашь!

Гей, трещит скорлупа стальная,
Кровь поганая брызжет и льется!
Встаньте, братья, будущее — ваше!
Слава Топола да не сгинет,
Сердце Сербии да не замолкнет,
Да взовьется юнацкая сила!
О, как радостно будет, братья,
После нашей общей победы
На задымленных порохом ладонях
Виноградные взвешивать гроздья!

ПЕСНЯ ЧЕХА

После дикой тевтонской орды
Стало грудю пепла селенье.

Только виселиц черных ряды,
Только трубы взывают о мщеньи.

Дым и прах поднимаются ввысь,
Рдеет отсветом зарев равнина.
Эй, немецкий тиран, берегись!
Будет страшную месть славянина.

На колени вовек не падем
И ярма не наденем на шею,
Мы в лесные трущобы уйдем,
Чтобы мстить беспощадно злодею.

Дружно в битву — и сломится враг.
Где вы, сербы, словаки, хорваты?
В бой, славянин, и лях, и поляк,
Пробил час долгожданной расплаты!

В бой, воинственный чешский народ!
Отобьем наши грады и села.
Вслед за русскими в грозный поход,
В огневое славянское коло!

Чех! Ты видишь, как небо горит?
Да воскреснет забытая слава!
Пусть ни Эльба тебя не корит,
Ни твоя знаменитая Влтава.

Дружно в битву — и мы победим.
Пробил час за позор расплатиться.

Пусть, как прежде, народом своим
Величаяя Прага гордится.

Каждый в мире узнает народ:
Никогда мы не станем рабами!
Чехи, братья родные, вперед!
Дружно в бой — и победа за нами.

ЮГОСЛАВСКИЕ ПАРТИЗАНЫ

Слышу гуслей моих переборы,
Вижу Боснии милой дубравы.
Танки лезут на мшистые горы,
След в полях оставляют кровавый,
Вьются, жалят, как змеи-гадюки.
Вижу девушек сербских в печали,
Матерей, простирающих руки
К сыновьям, что за родину пали.
Вижу я, удалились мужчины
На утесы, в леса и в лощины,
Взобрались на гранитные края,
Залегли под кустами на страже,
Истребляют везде супостата.
Опалает ветер их лица,
Свищет ветер по соснам угрюмым,
Стонет он, словно раненый воин.
Вижу, битва кипит под Дебоем,
Хлещет кровь об утесы прибоем,
Отрубают голову змею.

Взяли Фойницу братья юнаки,
Плещет стяг партизанский над нею.
Мстят они палачам и убийцам.
Свищут пули, дубравы ломая, —
Так под крепким оленьим копытом
В рощах мнется трава молодая.
Только утро приоткрыло очи,
Храбрый Муйо, старик из Сараева,
Богатырская красавица Лия
Привели партизанские отряды,
Тайно город Дебой окружили,
Где засели поганые фашисты.
Сильным голосом крикнула дружинне
Богатырская красавица Лия:
«Гей, юнаки, вынимайте сабли!
Постоим за честь и свободу,
За могилы доблестных предков
И за нашу поруганную землю.
Будем витязей великих достойны —
Полководца храброго Радивоя,
Молодого Марко Кралевича
И бесстрашного Милоша Обилича».
И как будто клетот орлиный,
Голос Муйо старого ответил,
И за ним прокатился по долине
Крик бойцов тысячеголосый.
Затрещали винтовки, автоматы,
Словно пчелы зажужжали пули,
Пушки черным закашляли дымом.
Лопаются партизанские бомбы,

Словно осенью красные гранаты.
Загудело эхо по долинам,
Вспугнутые птицы закружились.
Не успели фашисты подняться,
Как в Дебой ворвались партизаны,
Засверкали острые сабли,
Заблестали под утренним солнцем.
Как воров ночных из огорода,
Выгоняют фашистов партизаны,
Им в лицо плюют свинцом горячим,
С маху головы подлые снимают,
Как траву косари на леваде.
Потекли потоки черной крови.
Так добро свое, право и свободу
И свою заветную отчизну
Югославские богатыри отстояли,
Защитили от фашистского разбоя.
Солнце прячется за дымные тучи,
Мать снимает с виселицы сына,
Причитает над холодным трупом,
Словно в роще весною кукушка.
Сын любимый,
Сын родимый,
Мое солнце,
Мое счастье!
Что, седая, буду делать,
Как одна я
Жить останусь?
Ах, сниму я меч отцовский,
Буду мстить

Убийцам лютым,
Сердце вражье
Я достану.
Плачьте, ливни,
Вейте, ветры!
Сын любимый,
Сын родимый!

Так рыдают матери седые,
Плачут, стонут малые дети.
Достают мечи отцов и братьев,
Метить идут за честь и свободу.
Вижу, старый Муйо и Лия
Созывают помощников верных,
Собирают на площади трофеи.
Знамя с черным паучьим знаком
Партизаны весело сорвали,
Водрузили знамя другое,
Золотое знамя свободы.
Тут промолвил вождь партизанский:
«Никогда не бывать под фашистом,
Не смириться под игом ненавистным
Югославской земле знаменитой!
Мщеньем лютым народ облачился,
Отобрал у врага оружие,
Отстоял дорогую отчизну.
Слава павшим, вовеки слава!»
Так промолвил богатырь партизанский,
И пошел он с боями к Сараеву.
Он отнимет Белград у проклятых.
Не царить фашистам в Югославии!

И увидел я старые руины,
Где зажглась народная свобода,
Где горячим животворным светом
Маяки грядущего сияют.
В заново отстроенном Белграде
И в Жабляке, городе кремневом,
В сотнях городов Приморья,
Головою в небо упираясь,
Высятся, как снежные вершины,
Новые незабываемые башни.

Слава тебе, о моя посестрима!
На крыльях меня пронесла ты незримо,
И я увидел югославскую землю,
Я чую сердцем, я вижу и внемлю,
Как сербы, хорваты и черногорцы,
Словенцы, боснийцы и далматинцы
Встают, ополчаются дружно и смело,
Сражаться идут за народное дело
С могучей Красной армией вместе.

Слава, слава, вовеки слава!
Югославским витязям слава!
Всем погибшим за свободу слава!
Всем поднявшим факел свободы,
Факел, новым сияющий светом!
Братья, с дружным «ура»—вперед!

СЕРБСКИМ ПАРТИЗАНАМ

Братья сербы, сестры сербиянки,
Вы услышите далекое пенье,
Сербских гуслей голос громовитый.
Да взовьется свободное слово
О родимой Сербии нашей,
О зеленых славянских просторах,
О могучих сербских юнаках,
Проливающих кровь за отчизну!

Да узнают народы мира,
Чем владеют храбрые гайдуки:
Дом гайдука — пещера ледяная,
Сад гайдука — скалистые горы,
Жизнь гайдука — борьба за свободу.
Матушка моя дорогая,
Ты Отчизна, мое упованье!
Я гляжу на тебя издалека:
Не орлы стоят сторожевые
Над широкошумным Ядраном,
А стоят сторожевые горы,
Смотрят горы в голубые дали,
На ревучие волны морские.
И лежат за высокими горами
Древние славянские долины,
И хребты за хребтами громоздятся,
А на солнечных горных склонах
Виноградные крупные гроздья
Наливаются соком янтарным

И над сизой дунайской водою
Млечные влекутся туманы.

Не успел еще Белград проснуться,
Не кричал еще третий кочет,
Как встревоженных ласточек стая
Просвистала над городом сонным:
«Просыпайтесь, добрые люди,
Настигают нас коршуны злые
С черными хромыми крестами
На разбойных стремительных крыльях!»
Тут ударила первая бомба,
И проснулись белградские дети.
Враг заклятый отравленным кинжалом
В спину Сербию нашу ранил,
Кровь с росой прохладной смешалась.
Сербиянка руки протянула,
И упал беззащитный младенец,
И его растоптали танки.

Братья сербы, юнацкое племя!
Кровь славянская в жилах ваших
Закипает ключом горючим.
Вы не дайте Гитлеру, славяне,
Растоптать святую вашу славу,
Вы не дайте Гитлеру, братья,
Впрах втоптать золотую свободу,
Чтобы дети вас не проклинали.
Плавайте, братья, свинец заповедный,
С желчью жгучей перемешайте,

Выносите отцовские винтовки,
Уходите, партизаны, в горы,
Группами фашистов наполняйте
Наши круторебрые ущелья.
Братья, опрокидывайте горы,
На врага обрушивайте скалы
И сражайтесь, как сражались деды
За родную землю и свободу!

Дом юнака — пещера ледяная,
Сад юнака — скалистые горы,
Жизнь юнака — борьба за свободу.
Слава, слава, слава партизанам!
Зори сыплют цветы на вершины,
Проливают отрадные росы,
И вольнолюбивые народы
Снаряжают новые четы.
От врагов и пепла не оставим,
Будет Сербия наша свободна,
И потомки увенчают славой
Каждый подвиг наш величавый.

БОСНИЙСКИМ ПАРТИЗАНАМ

Люто свищет ветровая осель,
Листья желтые шуршат по рошам,
Мечет вихорь их по всем ущельям.
На краю села родник Илдже,
Там с мечети белой над обрывом

Спел мулла вечернюю молитву,
Песнь принес великому аллаху.
С берега вдруг колокол ударил,
Звон раздался властно-величаво.
То не буря взвыла над хребтами,
Не грохочут водопадом реки,
Это от шагов земля трясется:
К Сараеву идут партизаны.
Чей же слышен клич неподалеку?
Не мулла тут крикнул с минарета,
Это зов высокого боснийца
С тонковерхой елки виловатой,
Что растет над родником Илидже;
То не колокол ударил над горами,
Это воинские трубы зазвенели:
К Сараеву идут партизаны
На кровавый бой с фашистской сворой.
Ночь спустилась на хребет Боснийский,
Мрак плащом окутывает скалы,
На вершины оседает грузно,
Стонут горы, небо поломалось,
Босния вся качается, трясется.
Но, дрожа, уходит тьма ночная,
Над Балканами родилось утро.
Как спросонок очи голубые
Над хребтами небо приоткрыло,
Разные два табора тут видит
И в одном — проклятые фашисты,
А в другом — герои партизаны.
С ненавистью смотрит на палатки,

Где уснули изверги фашисты,
С вечера они напильсь водки
И курятины они обожрались,
Что вчера отняли у народа.
По приказу батьки-партизана
Широкие жерла поднялись,
Пушки партизан тут зарычали,
Из литых грудей они плевали
Огненным дождем стальных снарядов.
Тут винтовки враз застрекотали:
Оцарапали горячий воздух пули,
Тут фашистов много не проснулось,
Если ж кто от сна и пробудился,
Все от страха обратились в бегство,
Все со страху громко закричали,
Все не знали, как пришла погибель,
Страшным громом смертным загремела.
Нет, не гром, что небо потрясает,
Не лавина та, что горы рушит,
Это час пришел расплаты лютой,
То пришла погибель на фашистов,
То на них проклятие низверглось!
Как безумные, кричат, стеная:
«Войско сильное нас окружило,
От народного уйдем ли гнева?»
Говорит им батька партизанский,
Тот босняк Никола густоусый:
«Никуда вам не уйти, фашистам,
Не унести награбленного к дому.
Лучше бы матери вас не родили

И они б вас удушили в чреве.
Не уйти из пламенной вам Босни,
Вам не снести голов своих безумных!»
От Зворнико трубы ватрубили,
От Травника травы зашумели,
Тут у Дрины воды замутились,
Вышла тут из берегов Неретва,
Вербам Вербац качнул сердито,
Босня-речка вся закровянела.
Ринулись то четники народа,
Чтоб смести фашистов окаянных,
Ибо в Босне не найдется места,
Нет жилья для нелюдов проклятых.
Здесь юнаков-храбрецов отчизна,
Лозунг наш, народное решенье —
Чтоб из Босни, радостной, красивой,
Выгнать орды псов лихих, кровавых.
Целый день тут грохотали пушки
И юнаки гневно клекотали,
Как орлы крылатые с утесов.
Под Сараевом все это было.
Это было так, и повторится,
До тех пор, как храбрые юнаки
Выгонят всех нелюдов-фашистов
Из прекрасной Босни горделивой.

ХОРОВОД В ГОРАХ

Вы сплетайте руки, сестры,
Вы сплетайте руки, братья,
Пойте, братья, пойте, сестры!
Клены кличут нас в объятья,
Ветерок летит влюбленный,
Посещает луг наш пестрый,
Луг просторный, луг зеленый,
Задевает наши клены.

Вы сплетайте руки, сестры,
Вы сплетайте руки, братья,
Пусть венки из красных маков
Увенчают всех любимых;
Пойте, сестры молодые,
Славьте доблестных юнаков!

Вы сплетайте руки, сестры,
Вы сплетайте, братья, руки,
Мы стократ сильней фашистов.
Пусть блеснут клинки стальные!
Не страшны ни смерть, ни муки
Тем, кто верит в наше знамя,
С нами — жизнь, победа с нами!

Вы сплетайте крепче руки,
Вы сплетайте трудовые,
Руки смелые сплетайте!
Пусть восходит над цветами

Наша радость боевая,
Наша песня молодая,
Песня, веющая славой
Над горою крутоглавой,
Над звенящими ручьями.

Вы сплетайте руки, братья,
Вы сплетайте руки, сестры,
Шлите недругам проклятья,
Ягаган вздымая острый.
Слава нас целует в очи,
Гонит солнце тени ночи,
Клены кличут нас в объятья.

Вы сплетайте руки, сестры,
Вы сплетайте руки, братья!

ПЕТЕР ДАБШЕВИЧ

Там, где древняя Капа Морача
Сторожит вековую свободу,
Чтобы славный народ черногорский
Не страдал от насильников лютых;
Где нависли гранитные кручи,
Где трава обрамляет пещеры,
Как седые густые ресницы
Обрамляют бездонное око;
Там, где ветры и бури свистели,
Где лишь горные духи гнездились, —

Петер Дабшевич там поселился
Над селеньем, что прозвано Явор,
Над рекою, шумливой Морачей.
Собирает он там свою чету,
Чтоб итти на проклятых фашистов,
Супостатов славянского мира,
Что хотят истребить черногорцев,
Наше смелое, гордое племя,
Берегущее древнюю вольность.
Кто не знает, каков Петер Дабшевич!
Он живет в поднебесной пещере,
Словно горный орел сизокрылый,
Там великой Москве он внимает.
Синий шрам над его переносьем —
Память дней обороны Мадрида,
Рикошетом случайный осколок
Знак оставил на лбу благородном.
Здесь, на родине, сила юнака
Стала удалью, силой двойною,
Черногории древние скалы
Влили мощь в непокорное сердце,
Доблесть дедов ему завещали.
А весна собрала ему чету
Многочисленной звезд лучезарных.
Молодою травой разделись
Камни серые хмурых утесов.
Словно голубь, над снежной вершиной
Поднялось белокрылое солнце,
И над храброй юнацкой дружиной
Знамя вольности древней взметнулось

Гордо встал, как сияющий факел,
Глянул Петер с большого утеса,
Посмотрел на товарищей, братьев,
Как сверкают их ружья на солнце.
И промолвил он вещее слово:
«Коротка будет речь моя, братья,
Храбрецы Черногории древней!
Не впервой защищать вам отчизну,
Биться крепко за честь и свободу.
Словно змей убивайте фашистов,
Словно лютых гадюк подколодных,

В бой, за мною, друзья черногорцы!
Вниз по горным незыблемым кручам,
Где бездонные пропасти слева,
Где утесы отвесные справа,
Вниз по нивам, где пахут селяне,
Братья, ринемся в бой на тирана!
Итальянское войско пред нами,
Одолеем его и порубим.
Длятся год смертоносные битвы.
Наши руки в сраженьях окрепли,
Дни расплаты великой настали,
Будет пир на Лукавице ровной.
Бейтесь, братья, как русские бьются,
Защищайте родные селенья,
Бейте варваров, лютых фашистов!»
И как старый орел сизокрылый,
Петер Дабшевич ринулся в битву.
Он парит над своею дружиной,
Ободряет товарищей криком.
В этот день черногорская чета
Итальянское войско разбила,
Одержали юнаки победу
В том бою на Лукавице ровной.

ЧЕРНЫЙ КАМЕНЬ

Силачом, красавцем и героем
Я считался в молодые годы.
Как пройду бывало по дороге,
Все невесты горного селенья
Молодца приветствуют улыбкой,
Искрометным взглядом завлекают.
Но любовь меня не волновала,
И напрасно девушки старались.
В юности охотничья двустволка
Мне была единственной подругой.
Я все дни с любимицей бродяжил,
Вместе с ней преследовал я зверя.
Мы вдвоем карабкались по кручам,
В пропасти глухие опускались.

Голубым студеным утром как-то
Я нашел неведомую тропку
И по ней забрался выше Спужа,
В местность, где никто не обитает,
Кроме вил — волшебниц легкокрылых.
Шла зима,

И натиск снегопада
Гнал зверье с вершины поседевшей.
Сонные ворочались медведи
В потайных пещерах.
Перелески
Сбросили зеленые одежды.
Шла зима.

Но в вилиных владеньях
Расцветали пышные деревья,
Озеро прозрачное синело,
Плющ и лавры берег окаймляли.
Чистым водам вниз бы устремиться,
Побывать в долинах черногорских,
Да пути-дороги преградила
Им плита из многоцветных камней.
То была достойная могила
Храброго Савелича Стояна.
Письмена, истертые веками,
Трудно различимые для глаза,
Говорили о великой битве
Черногорцев с воинством душманов.

Ятаганы, сабли и ханджары
Сохранились в память о минувшем,

Врезанные в толщ^ь плиты тяжелой.
Как огонь на солнце пламенели.
Возле них лежала, тверже кремня,
Груда сгустков крови богатырской
С высоты гробницы открывалась
Даль просторов родины цветущей.
Зета извивалась по долинам,
Как коса девичья вороная
По спине веселой сербиянки.
У подножья гор до горизонта
Строем виноградники тянулись.
За селом — оливковая роща.
Там звенят вечернею порою
Соловьев пастушеские трели.

В честь непобедимого Стояна
Затянул я песню про гайдуков
И замолк.

Почудилось внезапно
Будто кто-то за моей спиною
Все слова с припевом повторяет.
Быстро оглянувшись, я увидел
Озеро, в котором отражались
Скалы — неприступные твердыни,
Черный клык утеса, нависавший
Над массивным придорожным камнем.
Ни души в округе живописной,
Тишины ничто не нарушало.
Но едва я вновь запел о славе,
К моему воинственному басу

Голос камня присоединился,
Вторя, будто красная девица,
Звонко, высоко и мелодично.
— Э-ге-гей! —

я крикнул что есть мочи.

— Э-ге-гей! —

ответил камень зычно.

— Кто кричит? —

спросил я громогласно.

— Кто кричит? —

передразнила глыба.

Вдруг в траве послышался мне шорох.
Это заяц в чашу торопился
Через луг неровными прыжками.
И погнался я за косоглазым,
Не успевши чуду надивиться:
Зверь мне был дороже приключений.
Я ушел с волшебного нагорья.
И в тот день, добычею богатый,
Жители лесов недосчитались
Волка вместе с серою супругой,
Трех лисиц,
Семи трусливых зайцев
И медведя — рыжего сластены

Отлетело пасмурное время.
И когда весна зарозовела,
Я опять направился к могиле
Доблестного воина Стояна

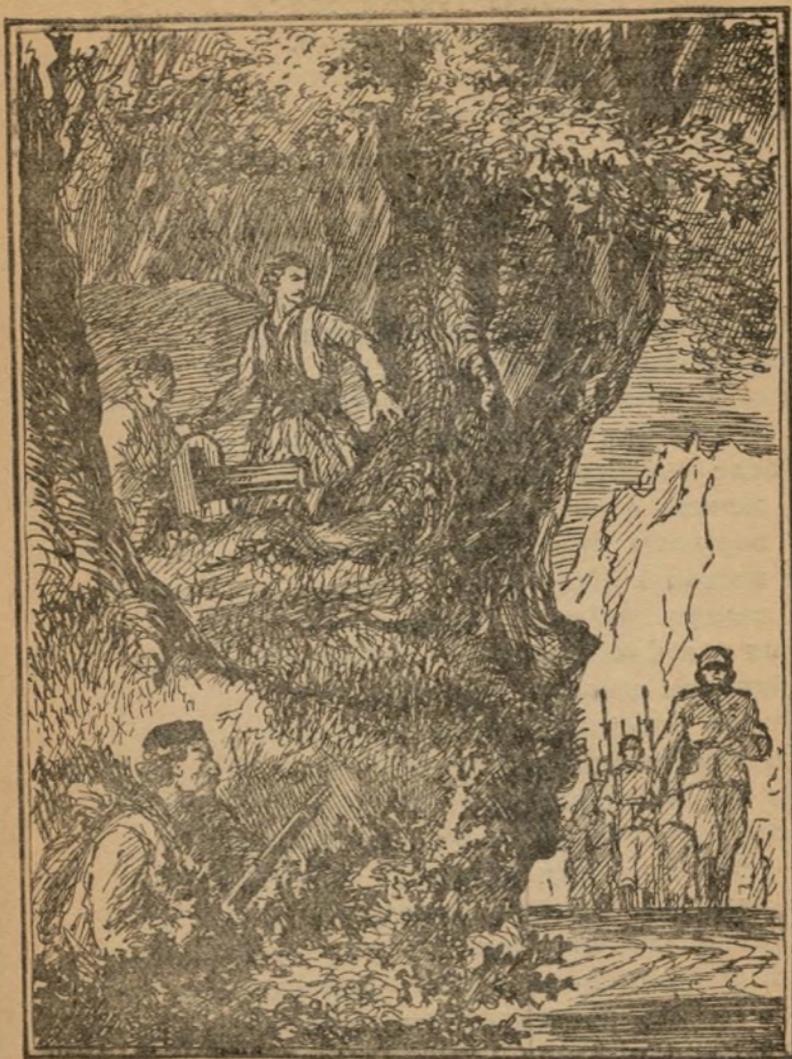
Я успел поспориться с двустволкой,
С удочкой бамбуковой сдружился
И решил, что мне улов обильный
Озеро зеркальное подарит.
В озеро я удочку закинул,
Песенку насвистывал рыбачью;
Мшистый камень, словно издеваясь,
Отозвался посвистом разбойным.
Возмущенный дерзостью гранита,
На него я грудью навалился,
И еще 6 минута — и столкнул бы

С кручи вниз...

Но глыба загудела,
В ясный полдень омрачилось небо:
Мошкара, как туча, из-под камня
Поднялась, меня атаковала.
Целый день я храбро отбивался
От ее жужжащих легионов
И впервые в жизни без победы
Отступил, искусанный, в ущелье.

Летом вся страна воспламенилась,
Как сухое дерево от искры.
В час недобрый немцы потянулись
Хищной лапой к землям черногорцев.
Поселяне ружья зарядили,
Гневно засверкали ятаганы,
И костер народного восстанья
С каждым днем все ярче разгорался.

Как вошли враги в мое селенье,
Я подался тотчас к партизанам.
По заслугам грозный неприятель
Называл нас лавой пепелящей!
Порешили мы обосноваться
На горах, в таинственной чащобе
И оттуда, с выгодных позиций,
Недруга тревожить ежечасно.
Взялся я товарищей к вершине
Провести кратчайшею дорогой
И повел их по крутым тропинкам,
Мимо разговорчивого камня.
Мы гуськом шагали торопливо,
Дорогим оружием бряцали;
И, моим друзьям на удивленье,
Глыба тоже громко забряцала.
Заорал я, вне себя от гнева:
— Долго ль ты, болтливая громада,
Будешь беспокоить черногорцев,
Досаждать бессовестно прохожим?
Ты забыла, с кем имеешь дело,
Партизан насмешек не потерпит.
Отвяжись, иль мы тебя немедля
Угостим гремучим динамитом!..
Глыба говорливая молчала,
Задрожала, будто бы от страха,
А затем, визгливо засмеявшись,
Речь мою дословно повторила.
Мы, недолго думая, хотели
Проучить обидчика по-свойски,

Да ввиду раздался гулкий топот
Сапожищ, окванных железом.
Это немцев маршевая рота
По пятам преследовала чету.
Выдать враг себя поторопился,
Ну, а мы не лыком были шиты:
Мы поспешно скрылись в темной чаще,
Залегли в извилистой пещере.

Листопада золотом червонным
Засверкала ветреная осень.
Холод поселился на вершинах,
С белых гор спустились партизаны.
После утомительных походов
Я мечтал о сне и о покое,
С верными друзьями разлучился
И пошел к Стояновой могиле.
К вечеру добрался до ночлега.
Был я в благодушном настроеньи, —
Разводил огнище под утесом,
Мирно переругивался с камнем.
Но как только дым окутал глыбу,
Из нее послышались шипенье,
Хриплый кашель, жалобные стоны.
— Что ты раскудахталась, болтунья? —
Я спросил, в огонь бросая хворост.
Черный камень, позабыв приличие,
На вопрос откликнулся вопросом:
— Что ты раскудахтался, юначе?
Тут мое терпенье истощилось,

Я вскочил, оружием потрясая.
И опять из глубины гранита.
Зазвучали вопли, причитанья:
— Вила, вила, схорони от лиха!
Узник твой бесславно погибает...
Кто меня окликнул:

— Черногорец!

Может, мне почудилось?

Нет, снова

Я расслышал тихое:

— Юначе!..

На утесе черном в лунном свете
Серебрились два крыла прозрачных
Вида отдыхала на утесе
И держала ледяную лиру,
И легко ударила по струнам —
Желтым нитям лунного сиянья,
И склонила голову.

И песня,

Как ручей апрельский, зазвенела:

«Первым словом я желаю
Много счастья и удачи
Горным вилам и юнакам —
Всем, кто честен и отважен

А еще желаю горя
Вероломным и трусливым,
Чье раздвоенное жало
Нас в беде подстерегает.

Под журчанье звонкой лиры
И под шум ночного ветра
Я спою тебе, прохожий,
Стародавнее преданье

В то столетье Рим считался
Захолустной деревушкой,
И погибельного боя
Поле Коссово не ждало,
Не делилась на державы
Наша юная планета,
Никаких границ не знали,
Кроме гор и рек, народы.
Кочевали по просторам
Развеселою ватагой
Племена с домашним скарбом
И тяжелыми мечами.
Были воинам защитой
Джамаданы из железа,
Скакуны быстрее птицы
И друзей на крови клятва
А еще оберегали
Их зазубренные стены
Замков, рвами окруженных —
Больше не было защиты.

В то столетие впервые
Наши недруги решили,
Будто вольных черногорцев
Полонить судьба велит им.

Орды в глубь страны проникли,
Сея смерть и разоренье,
И раскинули свой лагерь
Там, где ты стоишь, прохожий.
И тогда Стоян Савелич
Вывел рать навстречу славе,
Развернуть велел свободы
Домотканные знамена.
Был Савелич великаном —
Богатырь, каких не сыщешь.
Посмотрел он исподлобья
На кичливых чужеземцев,
Посмотрел Стоян сурово,
Как скликает царь пришельцев.
Толпы дикие на битву,
И сказал:

— Вперед, гайдуки!

И свились в клубок две силы.
Служ угрюмый содрогнулся.
Ни Стояну, ни душманам
Долгожданная победа
Не дается.

Оба войска

Тают, словно снег весной.
Бьются день, другой, неделю.
На восьмое утро солнце
Только двух бойцов застало
Возле груды тел недвижимых
На кровавом поле смерти.
Потрясал копьем Савелич,

Наступая на душмана.
Он теснил его к обрыву,
Чтоб оттуда сбросить в пропасть.
Царь душманов не сдавался,
Час от часу свирепея.
Много яростных ударов
Нанесли они друг другу.
А когда погнули сабли,
Копья в щепы изломали
И остались только руки, —
Пальцы сделались оружием.

Горло сжав один другому,
По земле бойцы катались.
Лишь потрескивали латы,
Покрасневшие от крови.
И последним напряженьем,
Волей боль превозмогая,
Поборол врага Савелич,
На тирана навалился,
Стиснул, будто бы клещами,
Грудь широкую душмана.
Так за родину дерутся
Те, кто честен и отважен.

В то забытое столетье
Был для Черных гор несчастьем
Ряболищый рыжий карлик,
Самый злой среди живущих.
Он, царевичем считаясь,
Не носил одежд парчевых —
Весь оброс овечьей шерстью
Сей властитель безобразный.
Не сапфиры, не алмазы
Украшали темя принца —
Два крутых бараньих рога
За ушами красовались.
Повелитель без владений
И наследник без престола,
Он миллионы насекомых
Подчинил себе умело.

Окружен летучей свитой,
Не в карете разъезжал он —
На сто лет петух горластый
В рысаки к нему нанялся.
Он бродил по белу свету,
Приставая к поселянам,
Пил запоем, гнал ракию,
Опьяняя черногорцев.
О поступке благородном
Иль о подвиге прослышав,
Петуха седлал он тотчас,
Погубить спешил героя.

Победил Стоян душмана,
А уж карла полем крался.
Мошкara затмила солнце,
Превратила полдень в полночь.
Улучив момент, предатель
Под покровом тьмы безглазой
Передал обломок сабли
Ослабевшему душману.
Я сидела на утесе,
Где сейчас меня ты видишь.
Я крылами зашумела:
— Оглянись, юнак! Измена!..
Но Савелич не услышал
Моего предупрежденья,
И впилося стальное жало
В сердце жаркое Стояна.

Я схватила злого карлу,
Заковала в чей-то панцырь,
Заперла замком тяжелым.
Ключ лежит на дне Ядрана,
А убийца, как собака,
С той поры на цепь посажен,
Замурован в этот камень.
Ты не тронь его, прохожий!
Пленник мой в бессильной злобе
До скончанья века будет
Несть ужасные мученья.
Поклонись-ка лучше предку,
Что схоронен мной с почетом.
Он не ждал удара в спину
И за это поплатился.
Ты запомни хорошенько,
Как изменников карают,
А сынов народа верных
Прославляют за геройство...»

Отзвенели золотые струны.
Вила крылья белые простерла,
Поплыла над скалами и скрылась
За туманной дымкой горизонта.
Первыми лучами озаренный,
Я поклон Савеличу отвесил,
Поклонился предку с легким сердцем, —
Ведь заветы смелых не забыты.
И поныне братья черногорцы

Сохранили пламенный обычай
Во враждебном стане сеять гибель
Саблей, словно молнией разящей.

Я винтовку шомполом прочистил,
Взял свою матерчатую торбу
И пошел с горы навстречу битве,
Ярко пламеневшей на востоке.
Там славяне полчищам германским
Наносили страшные удары,
От которых прояснялось небо
И земля свободно расцветала.

С Л О В А Р Ъ

В и л а — лесная фея, живущая и в горах.

Г а й д у к — воин-партизан.

Д ж а м а д а н — куртка, одежда.

Д р е в л я н е и **п о л я н е** — названия древних славянских племен.

Д у ш м а н — заклятый враг.

З е т а — название реки в Черногории.

К а п а М о р а ч а — гора в Черногории.

К о л о — круг, хоровод.

Л а д а — так наши предки славяне называли сказочную девушку, приносящую в дом мир, счастье, лад.

П о л е К о с с о в о — поле, известное битвой между сербами и турками.

Р а к и я — вино.

С п у ж — старая крепость в Черногории.

С т о я н — сербский народный герой.

Х а н д ж а р — кинжал.

Ч е т а — отряд.

Ю н а к — воин-богатырь.

Я д р а н — Адриатическое море.

Я р у г а — овраг.

Я т а г а н — кривой нож.

СОДЕРЖАНИЕ

Белый камень. Перевод Н. Белинович	3
Хор славян. Перевод А. Тарковского	13
Русский. Перевод В. Левика	14
Украинец. Перевод В. Левика	17
Белорусс. Перевод Н. Белинович	19
Полякам. Перевод А. Тарковского	21
Балканской молодежи. Перевод А. Тарковского	24
Песня чеха. Перевод В. Левика	28
Югославские партизаны. Перевод В. Левика	30
Сербским партизанам. Перевод А. Тарковского	35
Боснийским партизанам. Перевод П. Родимова	37
Хоровод в горах. Перевод А. Тарковского	42
Петер Дабшевич. Перевод В. Левика	43
Черный камень. Перевод В. Лободы	47

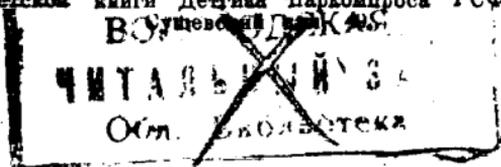
ДЛЯ СРЕДНЕГО И СТАРШЕГО ВОЗРАСТА

Ответственный редактор А. Кравченко.

Подписано к печати 9/ХII 1942 г. 2¹/₈ печ. л. (2,45 уч.-изд. л.),
41 580 зн. в печ. л. Тираж 15 000 экз. Л121503. Заказ № 2617.

Цена 2 руб.

Фабрика детской книги Детгиза Наркомпроса РСФСР. Москва

ОПЕЧАТКА

Страница 29, строка 13 сверху

Напечатано:

В бой, славянин, и лях и поляк,

Следует читать:

В бой, словенец, и лях, и поляк,

Р. Стийенский. Белый камень

Цена 2 руб.